

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.51>

Крячко Владимир Борисович, Хван Наталья Станиславовна, Гвоздюк Виолета Николаевна
Лексико-семантический анализ текста в состоянии неопределенности (на материале произведения А. Меня "Сын Человеческий")

Статья посвящена рассмотрению лексико-семантического анализа текста в состоянии неопределенности, характерной особенностью которой является когнитивная недостаточность. Цель исследования - установление семантических связей с первоисточником за счет расширения евангельского контекста. Научная новизна заключается в том, что в статье впервые проводится развернутый лексико-семантический анализ известного текста-комментария Нового Завета, призванного снять имеющуюся неопределенность. Полученные результаты показали, что происходит это не за счет гиперонимизации имен по общему признаку в ущерб множеству частных, а, наоборот, за счет расширения понятийных объемов и метафоризации анализируемого текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 255-260. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Хутова Э. Р. Бинарная оппозиция «любовь/ненависть» в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект (на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков): дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 2008. 184 с.
15. Юдина Т. А. Лексикографическое представление концепта «любовь» в русской языковой картине мира // Филологический аспект. 2017. № 2 (22). С. 38-42.
16. Kudaeva Z. Zh., Kremshokolova M. Ch., Bizheva Z. Kh., Unatlokov V. Kh., Khutezhev Z. G. Semantics of the cross-donor in the Adyghes' (Circassians) mythopoetic vision // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSBS. 2019. Vol. LVIII. P. 961-970.

Cultural Codes as Axiological Representatives of the Concept LOVE

Kremshokolova Marina Chaflenovna, Dr
Cheprakova Tatyana Aleksandrovna, PhD
Shibzuhova Indira Rustamovna

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
marina_kremshokolova@mail.ru; tanya.cheprakova.63@mail.ru; indira.sh@mail.ru

The article examines symbolic denotations and their semantic filling, reveals content analysis mechanisms and substantiates correlation of eidetic meanings and axiological foundations of value orientation formation. The research objective includes identifying the basic lexical representatives of the concept LOVE in the Russian paroemiological worldview. Scientific originality of the study involves a cardinal new approach to studying the concept. This approach emphasizes semiotic denotations transferring important cultural meanings and mental values. The research findings are as follows: the authors prove that the symbols-codes identified in the analysed texts represent the basic pragmatic components of the ontological worldview.

Key words and phrases: concept LOVE; code; symbol; culture; axiology; Russian paroemiological worldview.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.51>

Дата поступления рукописи: 04.05.2020

Статья посвящена рассмотрению лексико-семантического анализа текста в состоянии неопределенности, характерной особенностью которой является когнитивная недостаточность. Цель исследования – установление семантических связей с первоисточником за счет расширения евангельского контекста. Научная новизна заключается в том, что в статье впервые проводится развернутый лексико-семантический анализ известного текста-комментария Нового Завета, призванного снять имеющуюся неопределенность. Полученные результаты показали, что происходит это не за счет гиперонимизации имен по общему признаку в ущерб множеству частных, а, наоборот, за счет расширения понятийных объемов и метафоризации анализируемого текста.

Ключевые слова и фразы: когнитивное равновесие; сема; лексема; семема; бинариус; конвенциональный знак; иконичность.

Крячко Владимир Борисович, к. филол. н.

Хван Наталья Станиславовна

Гвоздюк Виолета Николаевна

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета
ya.usto@yandex.ru; tsay-khvan@mail.ru; vn_gvozdzyuk@mail.ru

Лексико-семантический анализ текста в состоянии неопределенности (на материале произведения А. Меня «Сын Человеческий»)

Неоднозначность понятия «текст» ведет к различиям в его трактовке и анализе. Состояние неопределенности текста предполагает наличие как минимум двух его аспектов, интерпретируемых и сопоставляемых в рамках общего контекста, наличие двух планов кодировки первичного (матричного) текста и вторичного, выступающего в качестве комментария. Все это мы имеем в случае «Сына Человеческого» А. Меня – комментария к евангельским текстам Нового Завета. Вообще состояние неопределенности или нечеткости следует понимать как пограничное при встрече двух текстов: текста лингвистического, представляющего замкнутую систему, с одной стороны, и текста культуры, представляющего открытую систему, с другой стороны. В качестве источника неопределенности выступают, прежде всего, сами евангельские тексты, предлагающие читателю систему отношений, характерной особенностью которой является *состояние неустойчивого равновесия*. Равновесие достигается путем конвенции с текстом как замкнутой системой знаков и носит временный характер. Возникает своего рода парадокс, который заключается в том, что пониманию текста как некой ограниченной информации должно соответствовать состояние равновесия и определенности. Однако на самом деле при чтении «Сына Человеческого» этого не происходит. Происходит удвоение семантической нагрузки, что не может не влиять на понимание прочитанного.

Актуальность нашей работы заключается в следующем: 1) текстология является одним из наиболее важных аспектов современного языкознания; 2) вместе с тем понятие текста остается дискуссионным, а попытка его осмысления с точки зрения неопределенности проливает свет на основную проблему, дополняя ее новыми коннотациями и расширяя понятийные границы текста.

В работе решаются следующие **задачи**: 1) проведение количественного анализа измеряемого текста; 2) выявление лексико-семантических групп (ЛСГ) и анализ их значимости; 3) выявление метаязыка и его особенностей. В качестве анализируемого источника использовалось произведение А. Меня «Сын Человеческий» (глава 15 «Пасха Нового Завета»). **Методы исследования**: компонентный анализ, количественный анализ, анализ словарных дефиниций, метод текстовой интерпретации. В качестве **теоретической базы** к исследованию привлекались работы Ю. М. Лотмана, Е. С. Кубряковой, Н. И. Толстого, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Б. Ф. Егорова, В. И. Карасика, Ш. А. Ахмадулаевой, Б. В. Доброва и Н. В. Лукашевича.

Текст, как относительно замкнутое конечное образование, в значительной мере обладает свойством неопределенности, что, по выражению Ю. М. Лотмана, наиболее употребительно в культуроведческих исследованиях, посвященных общей типологии текстов [10]. Если некоторый текст рассматривать в виде лексико-семантической сети подобно электронному словарю, то в рамках заданного текстового пространства (начало – конец) его можно представить в виде концептов, находящихся между собой в системных отношениях. Это предполагает наличие различных семантических связей: с одной стороны, это могут быть отношения, имеющие иерархический характер, представленные через символ: отношения *выше – ниже, часть – целое* [4]; с другой – это могут быть родовые отношения в виде синонимических рядов либо в виде бинарных оппозиций. Возможны также более сложные тернарные отношения.

Двуплановая природа смысловых связей и их дальнейшее разделение на внутритекстовые и затекстовые предопределяют их двойственный характер. Первые представляют собой синтагматические отношения и имеют линейный характер. Вторые формируются не только за счет внутренних семантических ресурсов, но и за счет внешних ассоциативных связей [1], что актуализирует парадигматические соотношения между элементами языка [9] и определяет их нелинейный (дискретный) характер.

В качестве исчисляемой единицы мы рассматриваем слово как минимальную комплексную единицу языка, имеющую план выражения и план содержания. «В плане выражения слово – лексема, в плане содержания – семема» (Н. И. Толстой) [Цит. по: 3, с. 43]. В свою очередь, семема делится на «лексическое понятие» и «лексический фон» [Цит. по: Там же, с. 74], который представляет собой непонятные семантические доли и не рассматривается в данной статье.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов при декодировании текстов, составляющих предметную базу лингвокультурологии, когнитивной и аксиологической лингвистики.

Формализованный подход к тексту, позволивший провести количественный замер лексического материала, имел своей целью выявить актуализированные значения слов (лексем), в совокупности представляющих план выражения рассматриваемого текста. В результате количественного анализа фрагмента книги было выделено 2444 лексические единицы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Имен существительных	Прилагательных	Местоимений	Глаголов	Наречий	Служебных слов	Всего лексем
373 ед.	203 ед.	203 ед.	651 ед.	185 ед.	830 ед.	2444 ед.
15,3%	8,3%	8,3%	26,7%	7,4%	34%	100%

ГЛАГОЛЫ

Среди наиболее активных частей речи, как показал замер текста по частотности, оказался глагол (651 лексическая единица, или 26,7%), придающий всему изложению динамичный, развивающийся характер. Не случайно одна из наиболее активных семантических групп в тексте представлена глаголами движения (сема ‘движение’): *вел, следовал, приблизился, вернулся, идет, вошел, вышел, придет, идешь, иду, приду, последовать, вставайте, идем, покинули, направились* (36 ед., 5,5%).

Следующие по частотности группы представлены глаголами умственной деятельности (сема ‘мышление’): *знать, знали, знаете, не познал, не знает, не знаешь, поймешь, научит, напомним, думать, подумали, понял, понимают* (31 ед., 4,8%); глаголами абстрактной деятельности (‘дать-взять’, ‘делать’): *делаешь, делали, делаю, совершить, совершу, дать, дал, даю, принял, предаст, передается, отдана, взял, возьмет, прими, делай, делайте* (31 ед., 4,8%). С особой значимостью неоднократно звучит слово ‘делайте’ в устах Спасителя, связывая несколько значений: 1) значение Таинства Евхаристии, творимой в вечное воспоминание: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:19) [2]; 2) жертвенное значение крови как символа жизни, изливаемой (отдаваемой) за людей; 3) как пример для подражания христианину: «Это делайте в воспоминание обо Мне» [13, с. 254]. Слово ‘делайте’ становится не только призывом, но и средством к спасению для христианина. Оно как будто говорит само за себя, становясь универсальным, обращенным ко всем случаям жизни: *Делайте, т.е. не бойтесь, не унывайте, ободритесь, не стойте на месте, «идите и научите»* (Мф. 28:19) [2]; *лечите и исцеляйте, трудитесь и проповедуйте* (Мф. 10:1-15, Мк. 6:7-13, Лк. 9:1-6) [Там же], поскольку труд неотделим от проповеди – одним словом, **делайте!** Спаситель часто обращается к нему не только в прямом, но и в переносном контексте: «И сказал им: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина

жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою. Идите!» (Лк. 10:2-3) [Там же]. При сопоставимой частотности в анализируемом фрагменте не случайна синтагматическая и семантическая близость этих двух глаголов ('делайте' и 'идите') в первоисточнике, т.к. в евангельском контексте это слова-синонимы. Итак, 'идите' и 'делайте' – это новозаветные слова, выходящие за рамки текста. Апелляции к ним носят прагматический характер.

Наиболее обширную семантическую группу представляют глаголы речевой деятельности (сема 'слово-речь'): *предложил, расспрашивать, сообщил, провозгласить, спросил, скажите, говорит, было названо, называете, стали спорить, напомнил, воскликнул, сказал, завещал, читал, произнес, пропели, хвалите, благословим, молился, вскричал, утверди, отозвался, звучала, не пропоет, отречешься, отвечал, ободрял, умолю, написано* и т.д. (84 ед., 13%). Очевидно, это связано с универсализмом категории «слово», которое наилучшим образом воплощает в себе принцип неопределенности [8]. Количественное преобладание глаголов речевой деятельности указывает на внутритекстовую значимость семы 'слово-речь', делая ее сквозной для всех семантических групп. Это актуализирует знаковую сущность слова как лексической единицы – единицы, которая эксплицирует в тексте только одно значение, отвергая все остальные.

Если представить текст как совокупность неких актуализированных значений, то их знаковое единство, выявляющее линейную зависимость, будет иметь предсказуемый характер: чем частотнее слово, тем оно актуальнее. Стало быть, значимость можно поставить в прямую зависимость от частотности, что не совсем так. Например, наиболее частотными в анализируемом тексте являются служебные слова, но их вряд ли можно назвать ключевыми. Очевидно, говорить определенно о развитии семантического процесса внутри текста можно только при наличии некоторых условий: 1) если все знаки в тексте являются конвенциональными; 2) если измеряемые параметры и их связи носят линейный характер. «Предсказуемые процессы идут по заранее вычисляемым закономерностям. А потом наступает какая-то точка, когда движение вступает в непредсказуемый момент и оказывается на распутье как минимум двух, а практически – огромного числа дорог» [10, с. 265]. Но поскольку ни то ни другое в данном случае невозможно, то говорить определенно о ценностных категориях, опираясь только на данные количественного анализа, мы не можем. Ценностные категории необходимо выводить в результате лексико-семантического (концептологического) анализа.

Глаголы кушания (сема 'трапеза'), имеющие символическое значение: *вкусить, не буду вкушать, ели и пили, ест, насытил, преломил, вкушали, пейте* (19 ед., 3%), в отличие от конвенциональных знаков, обладают свойством иконичности. «Каждая трапеза, сопровождавшаяся молитвами, считалась у иудеев своего рода обрядом» [13, с. 250]. Как мы знаем, обрядовая сторона трапезы присуща и другим вероисповеданиям, что позволяет рассматривать ее как вариант той или иной культуры, в то время как инвариантом можно считать общее свойство человеческого сознания придавать ей сакральный характер [15, с. 513]. Отсюда особая выразительность авторской метафоры: «Ночной мрак *поглотил* его» (курсив авторов статьи. – В. К., Н. Х., В. Г.) [13, с. 253], сказанной в отношении Иуды Искариота, когда тот покинул Тайную Вечерю. Неоднозначно функционирование лексемы *трапеза* в тексте. Сначала и прежде всего лексема *трапеза* употребляется в отношении Пасхи, отмечаемой по древнему обряду. Отсюда ряд синонимов (*праздник, пир, вечеря*), наделенных определенными образными характеристиками (агнец, приготовленный с горькими травами, отсутствие квасного хлеба, «глиняные тарелки с опресноками, кувшины с вином, кубки» [Там же, с. 250]). Однако в дальнейшем на смену трапезе пасхальной приходит трапеза Христова, или Евхаристия. Мы видим смену денотатов, в качестве которых выступают ментальные категории высшей незнаковой сущности. В первом случае – это концепт СВОБОДА, во втором – концепт СПАСЕНИЕ. Единственным способом вербализовать их было прибегнуть к помощи символа. «Мудрецы Израиля говорили, что каждая Пасха есть освобождение от рабства, совершающееся вновь и вновь. Точно так же и новозаветная Евхаристия означает причастность к спасению» [Там же, с. 255]. Общим для обеих трапез остается символическое значение, представленное в форме обряда. Содержательный план концептов СВОБОДА и СПАСЕНИЕ до сих пор остается наиболее сложным для выяснения и наименее предсказуемым, поскольку требует личного участия и выбора, предполагающего ответственность. Тем не менее очевидной становится связующая мысль о том, что спасения без свободы не бывает.

Глаголы предписания (сема 'закон'): *следовало подчинить, должна была совершиться, позволял, считалась, занимали, соблюдалось, полагалось омыть, не должно было быть, запрещалось, сопровождалось, повелевает, соблюдает* (17 ед., 2,6%) – употребляются в тексте в жестком подчинительном значении, формализующем ритуал – налицо «фиксированность области сообщения» [10, с. 315]. Не случайна четкая актуализация времени: почти все глаголы направлены в прошлое и как будто противостоят Христовым заповедям, носящим рекомендательный характер [13].

Глаголы перцепции (сема 'восприятие'): *заметили, стали переглядываться, не слышал, увидел, видели, не увидит, увидите, являть, слышите*, – как и глаголы, обозначающие чувства (сема 'чувства'): *огорчился, ожесточился, ненавидел, да любите, возлюбил, не смущается, веруйте, верьте, возлюбит*, – представлены небольшими группами с равной долей частотности (14 ед., 2%) и неравной значимостью. Очевидно, глаголы второй группы, актуализирующие личностные отношения, представляют наиболее ценностную категорию, определяющую сущность Нового Завета: «*Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*» [Там же, с. 256].

Обращает на себя внимание временной фактор: почти все лексемы представляют семантическую оппозицию 'прошлое – будущее' – *была, были, ни бывало, будет, станет, буду*. Тернарные отношения, усложняющие структуру за счет настоящего времени (*есть, означает, живу*), носят исключительный и в данном контексте вневременной характер, употреблены по отношению к Пасхе (*Пасха есть*), Евхаристии (*Евхаристия означает*) и словам Христа (*Я живу*).

Особый интерес для нашей типологии текста представляют глаголы, которые вместе с глаголами кушания можно классифицировать как глаголы *символического действия* [12, с. 139]. Как и глаголы кушания, они обладают большой иконичностью и могут иметь различные денотаты. Средством объединения их в одну группу является не план содержания, а план выражения, точнее, особый знак, за которым стоит свернутое действие, целое событие, т.е. текст, переданный иным языком, а точнее – метаязыком автора. К особенностям этого метаязыка можно отнести:

1. Избыточность информации, предлагаемой для трансляции. Это или поток, или иная смысловая среда, в которой оказался автор в результате погружения.

2. Недостаточность языковых средств, порождающая невозможность передать первичную информацию средствами естественного языка (информация не вербализуется): “Nec valet lingua dicere nec littera exprimere” – «Язык не в силах рассказать, не в силах буква передать» [16, с. 9].

3. Острая потребность автора в передаче информации. Для этого он прибегает к системе первичной кодировки, изобретая свой метаязык, состоящий из абсолютно иконичных знаков (символов).

4. Вторичная передача информации на естественный язык путем декодирования текста с помощью обычных языковых средств, т.е. путем вербализации первичного текста, – возникает язык описания, порождающий текст культуры. Слова, в частности глаголы «символического действия», в этом случае представляют собой знаки знаков текстов, предваряющих тексты культуры или, во всяком случае, находящихся в точке закрепления зрительного образа. Первичным знаком становится знак мнемонического свойства, главная задача которого – закрепить, запомнить информацию. Символ возникает в процессе ее осмысления и кодирования на языке культуры. «Символ же и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый *текст*» [10, с. 212].

Иными словами, перед нами не просто текст культуры, но текст, порождающий культуру, который мы предлагаем назвать профетическим, достойный отдельного изучения. Важной особенностью профетических текстов, порождаемых пророками (сюда следует отнести юродивых и блаженных), является то, что в их основе лежит символическое действие, «некая пантомима» [12, с. 139], к которой они прибегали с целью воздействия на человеческое сознание, когда никакие другие (вербальные) средства не помогали. В условиях, когда слово переставало быть символом, его функцию выполняло поведение, поступок. Так, пророк Осия (750-740 гг. до н.э.) намеренно женился на блуднице и жил с ней, прощая измены и шокируя мораль общества. Пророк Исайя (742-700 гг. до н.э.), будучи царским сановником, вышел на улицу обнаженный с веревкой на шее и в цепях – как водили пленных [12]. Нечто подобное совершил пророк Иеремия (609-597 гг. до н.э.), явившись в храм с ярмом вола на шее [11, с. 271].

Глаголы символического действия в отношении Иисуса Христа можно употребить в большей мере, чем к кому бы то ни было. Об этом свидетельствуют сами евангельские источники.

В анализируемом тексте к данной группе относятся глаголы, описывающие обряд омовения ног ученикам (сема ‘служения’): *опоясался, налил, приготовился мыть, моешь, не умою, не имеешь, умыл, исполнил, должны умывать, были омыты* (17 ед., 2,6%). Ряд можно расширить за счет глаголов пасхальной трапезы в силу их высокого символического значения. Однако в данном случае маркирующим событием признаком остается фактор неожиданности – реакция учеников на поступок их Учителя. «Невозможно описать крайнее смущение, в которое Иисус поверг присутствующих» [13, с. 251].

Нельзя сказать, что все глаголы являются ключевыми, формируя ту или иную семантическую группу. Не все группы рассматривались нами в силу нарастания семантической неопределенности (например, категория модальности). Многие лексемы способны обнаруживать новые связи и быть представленными сразу в нескольких семантических группах или образовывать новые, что усложняет процесс исчисления (например, глаголы движения и делания, трапезы и символического действия). Наконец, актуализированными могут становиться переносные значения, придавая измерению совершенно новую и неожиданную глубину («Ночной мрак *поглотил* его»), меняя знак и отношение к семе ‘жертва’. Можно сказать, что квантитативный анализ показал увеличение семантической неопределенности текста. В то же время со всей очевидностью вскрылась связь между такими концептами, как СВОБОДА и СПАСЕНИЕ, сокрытая в имени Пасха.

ИМЕНА

Наиболее частотным именем в тексте является имя главного персонажа – Иисуса Христа. Общее число употреблений распределилось следующим образом: Иисус – 23, Христос – 12, Мессия – 2, Спаситель – 1, Господь – 29 (всего – 67).

Следующее по частотности имя Иуды Искариота (15 употреблений) служит скорее средством для того, чтобы обозначить номинативную оппозицию Иисус Христос – Иуда Искариот по ценностному признаку: добро – зло, жизнь – смерть. Маркирующим признаком имени становится некий дополнительный служебный знак, приобретенный именем в результате социального функционирования, когда именуемое становится больше (или меньше) собственно имени [14, с. 140]. Так, если земные имена Иисус – Иуда еще сопоставимы с точки зрения бинарной зависимости (23 и 15), то имена служебные, т.е. приобретенные в результате социального функционирования, не идут ни в какое сравнение: Христос (12) + Мессия (2) + Спаситель (1) + Господь (29) (всего – 34) – предатель (1): 34 – 1.

Если отвлечься от конкретных экземпляров слов в тексте и перейти от речевого на языковой уровень, т.е. к словоформам, то получим соотношение Христос + Мессия + Спаситель + Господь – предатель: 4 – 1.

Если же абстрагироваться еще дальше до некоего языкового «инварианта», т.е. понятийного ядра, и рассматривать имена Христос, Мессия, Спаситель как абсолютные синонимы, без учета их оригинальных

(лингвокультурных) особенностей, то мы приходим к недопустимому логическому противоречию с принципом неопределенности: нет абсолютно совпадающих по понятию языковых единиц, взятых из разных языковых систем в данный момент времени. Таким образом, обобщение до бесконечности невозможно: в силу вступает лингвокультурная специфика, возводящая гипотезу языковой относительности в ранг принципа.

Главная антиномия текста, *Спаситель – предатель*, открывает целый ряд аналогичных «бинариусов» [5, с. 133-137]: *жертва – предатель, учитель – ученик, свобода – рабство, любовь – ненависть*, где изоморфизм, «как специфическая черта человеческого общества» [6, с. 213], невозможен в силу оценочной, т.е. дополнительно приобретенной, смысловой нагрузки. Дисбаланс между знаками носит абсолютный оценочный характер, заметный, прежде всего, на синтагматическом уровне, о чем говорят уже упоминаемые нами количественные показатели в бинарной оппозиции имен Иисус – Иуда.

Вторжение имени Петр (Симон, Кифа) (12 употреблений) усложняет бинарные отношения Иисус Христос – Иуда Искариот, преобразуя их в тернарные и увеличивая непредсказуемость текста. Сопоставимость с именем Петр имеет не только количественное обоснование, но и некий обобщенный модус поведения, присущий всем ученикам. Дальнейшее функционирование имени привело его к семантическому расширению и созданию универсальной поведенческой модели *учитель – ученик* (*учитель* – 13 употреблений, *ученики* – 11). Поведение остальных учеников вписывается в ее рамки. Их отношения можно охарактеризовать как *модельные* («модельная личность») [7, с. 12], несущие определенный стереотип поведения, укорененный в традиции Востока: не случайно у учеников Иисуса неразличимы лица. Редким исключением видятся Петр, выделяющийся своей пылкостью, и Иоанн, как самый молодой. Остальные лица лишены индивидуальных черт. Это видно и на иконах. Индивидуализация уступает место типизации и используется как прием для того, чтобы выделить главное и единственное лицо – личность Иисуса Христа.

Тем не менее ученики не утрачивают личностных черт, которые, прежде всего, упоминаются в именах. Сами имена приобретают дополнительные смыслы: *апостолы* (11 употреблений), *овцы* (1), *пшеница* (1), *двенадцать* (1), – являющиеся между собой синонимами, поскольку подразумевают единую модель поведения как денотат. Модель поведения апостолов как всякая типизация имени на пути его следования к идеалу носит четко выраженный семиотический характер с высокой степенью предсказуемости. Однако предсказуемость развития имени здесь носит абсолютный и затекстовый характер.

Лексемы *овцы* и *пшеница* выражают переносные значения и имеют все основания быть отнесенными к разряду культурометафоры, поскольку большая часть языкового сознания народа Израиля была связана с сельским хозяйством.

«Симон, Симон, вот сатана добился того, чтобы просеять вас, как *пшеницу*» [13, с. 256]. «Ибо написано: «Поражу *пастыря*, и будут рассеяны *овцы*»» [Там же, с. 258].

Категория родства *Отец – сын* используется в тексте для передачи близости и единения не только по плоти (метафора), но прежде всего по духу, по существу. Слова Отец и Бог являются абсолютными синонимами (по 12 употреблений), так же как Сын Человеческий (3) и Сын Божий (1). Показательно, что «новая Пасха», т.е. Евхаристия, знаменовала акт «усыновления Богом» не одного народа, а всего мира [Там же, с. 251]. Видимо, не случайно после ее совершения Иисус обратился к апостолам со словами: «Дети Мои» [Там же, с. 256].

Широко используются в тексте средства образной номинации (метафоры, сравнения): *Царство Мое, Царство Божие, Дом Отца Моего, Царь вселенной* (курсив авторов статьи. – В. К., Н. Х., В. Г.). Лексема *агнец* употреблена в двух значениях: 1) в значении трапеза (= «пасха»); подобным образом, т.е. путем метонимического переноса, куличи именуется пасхами в православной традиции; 2) в значении «жертва».

Наконец лексема *Пасха* употреблена в нескольких значениях: 1) в значении «трапеза» (*пасхальная трапеза*); 2) в значении «обряд» (*пасхальный чин*); 3) в символическом значении пира, торжества, обозначающего «мессианское Царство» [Там же, с. 250]; 4) в значении, противоположном рабству, т.е. как символ свободы; 5) в новозаветном значении, т.е. «как искупительный дар».

Выводы. Таким образом, с помощью «Сына Человеческого» тексты Евангелия вновь приходят в состояние неустойчивого равновесия за счет расширения евангельского контекста. Это достигается, прежде всего, языковыми средствами: 1) путем проведения квантитативного анализа и создания метаязыка измеряемого текста; 2) путем выявления ЛСГ и символизации лексических единиц; 3) путем метафоризации текста (анализа культурной значимости того или иного знака). Выявление универсальной функции языкового знака – вмещать множество значений от лексических единиц до культурных коннотаций – дает возможность в дальнейшем расширить исследовательское поле, например, за счет исторических реконструкций.

Список источников

1. Ахмадулаева Ш. А. Некоторые особенности вторичной номинации в нестандартной лексике // XXXIV Международная филологическая конференция. СПб., 2005. Вып. 4. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). Ч. 1. С. 7-10.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. 2542 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
4. Добров Б. В., Лукашевич Н. В. Онтологии для автоматической обработки текстов: описание понятий и лексических значений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1937/dobrov.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).
5. Егоров Б. Ф. Парные отношения и триады у Ф. М. Достоевского и Ю. М. Лотмана // Русская литература. 2011. № 11. С. 133-137.
6. Егоров Б. Ф. Послесловие к книге // Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. С. 207-219.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
8. Крячко В. Б. Слово и информация: принцип неопределенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (14). С. 46-48.
9. Кубрякова Е. С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 447-448.
10. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева; предисл. С. М. Даниэля. СПб.: Академический Проект, 2002. 544 с.
11. Мень А. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни: в 7-ми т. М.: Фонд имени А. Меня, 2002. Т. V. Вестники Царства Божия. 648 с.
12. Мень А. От рабства к свободе. М.: Жизнь с Богом, 2008. 318 с.
13. Мень А. Сын Человеческий. Bruxelles: Foyer Oriental Chretien, 1983. 494 с.
14. Флоренский П. Христианство и культура. М. – Х.: АСТ; Фолио, 2001. 627 с.
15. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: АСТ, 2010. 767 с.
16. Чистяков Г. «Господу помолимся»: размышления о церковной поэзии и молитве. М.: Рудомино, 2001. 176 с.

Lexico-Semantic Analysis of Ambiguous Text (by the Material of A. Men's Book "The Son of Man")

Kryachko Vladimir Borisovich, *PhD*
Khvan Natal'ya Stanislavovna
Gvozdyuk Violeta Nikolaevna

Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University
ya.usto@yandex.ru; tsay-khvan@mail.ru; vn_gvozdyuk@mail.ru

The article considers A. Men's approach to interpreting ambiguous text characterized by cognitive insufficiency. The paper aims to show how the theologian ascertains semantic relations with the original Gospel text broadening Evangelic context. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers for the first time provide a comprehensive lexico-semantic analysis of the famous New Testament commentary aimed to remove the existing uncertainties. The findings indicate that Men's interpretation is based not on hyperonymization but on broadening conceptual contents and metaphorization of the analysed text.

Key words and phrases: cognitive equilibrium; seme; lexeme; sememe; binarius; conventional sign; iconicity.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.52>

Дата поступления рукописи: 05.05.2020

Статья посвящена изучению метафор в педагогическом дискурсе, которые рассматриваются с когнитивных позиций. Цель исследования состоит в выявлении закономерностей метафоризации при описании процесса воспитания, в центре которого находится ребенок. Научная новизна работы заключается в том, что предлагается уровневая систематизация метафор: ребенок и его качества, взаимоотношения в семье, локальный и более широкий социальный круги общения. В результате проанализированы механизмы метафоризации на разных уровнях, определены предметно-понятийные и коннотативные компоненты метафор. Частотность и номенклатура метафор педагогического дискурса убеждают в значимости семьи в процессе воспитания.

Ключевые слова и фразы: когнитивная метафора; метафорическая модель; концептуальная основа; педагогический дискурс; сфера источника; сфера цели.

Перельгут Надежда Майеровна, к. филол. н., доц.
Нижевартовский государственный университет
nadezhda.perelgut@gmail.com

Яновская Анастасия Владимировна
МБОУ СОШ № 13, г. Нижевартовск
anastasiya.the.third@gmail.com

Метафора как конструкт педагогического дискурса (на материале английского языка)

«Творчество является одним из высших, если не самым высшим, свойств мозга». Это способность «увидеть мысленно то, чего не было, услышать музыку, которой нет...» [2, с. 26-27], заметить подобие или сходство там, где оно реально не существует. Одним из проявлений творческого потенциала человека, результатом его творческой мысли, этого прекраснейшего из его достижений, является метафора. В этой связи вполне закономерным представляется когнитивный подход к метафоре, открывающий механизм творческих возможностей мыслительной деятельности человека. Метафоризация является конструктивным принципом построения дискурса: любые элементы вербального кода противопоставляются, сопоставляются, помещаются рядом по принципу сходства или контраста и имеют свое собственное автономное значение [4; 5; 9].